

Уроки Испанской империи, или Ловушки ресурсного изобилия¹

1. Природные ресурсы и социально-экономическое развитие.

Вопрос о роли природных ресурсов в обеспечении устойчивого экономического развития привлекает в последнее время повышенное внимание со стороны экономистов и политиков. При оценке перспектив развития той или иной страны достаточно типичным является указание на ее территориальные размеры и природные ресурсы, причем, как правило, в положительном ключе: богатство природных ресурсов и обширность территории создают благоприятные условия для успешного социально-экономического развития. Однако у такого рода рассуждений последних десятилетий существует и одна особенность – они все говорят о *потенциальных*, возможностях роста, тогда как реальное положение данной страны оказывается гораздо менее впечатляющим.

Даже поверхностного взгляда на развитие различных стран и регионов второй половины XX века достаточно, чтобы увидеть отсутствие очевидной связи между экономическим благополучием и уровнем развития отдельных стран и регионов мира. Подавляющее большинство стран с высоким среднедушевым ВВП (Западная Европа, Япония) не могут похвастаться богатством природных ресурсов². Это же наблюдается и при обращении к вопросу о роли природных ресурсов для решения задач догоняющего развития в современном мире. После второй мировой войны страны Африки и Юго-Восточной Азии находились на сопоставимом уровне экономического развития, причем перспективы «Черного континента» казались тогда гораздо более благоприятными – благодаря наличию богатейших ресурсов и относительной близости к европейским рынкам. Реальное же развитие событий оказалось прямо противоположным: Африка топталась на месте и осталась регионом крайней бедности, тогда как страны ЮВА бурно развивались, и многие из них обеспечили заметное сокращение разрыва с наиболее развитыми странами мира.

В ряде работ последних двух десятилетий содержится статистический (корреляционно-регрессионный) анализ соотношения наличия природных ресурсов и уровня экономического развития, а также анализ механизмов их взаимодействия. С формальной точки зрения налицо значимая отрицательная корреляция между обилием природных ресурсов и социально-экономическим развитием данной страны³.

¹ Автор выражает искреннюю признательность В.Новикову за ценную помощь, оказанную при подготовке настоящей статьи.

² Очевидные исключения представляют собой США, Канада и Норвегия, что будет прокомментировано ниже.

³ Karl T. The Paradoxes of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkley, CA: University of California Press, 1977; Sachs J., Warner A. Natural resource abundance and economic growth. NBER Working Paper Series. No 5398. Cambridge MA, 1998; Isham J., Woolcock M., Pritchett

Можно выделить ряд причин политического и социально-экономического характера, которые объясняют такого рода ситуацию.

Во-первых, значительные природные ресурсы обостряют внимание политической и деловой элиты к борьбе за постановку под свой контроль соответствующей природной ренты, что подрывает интерес к работе по повышению производительности труда, закрывает возможность проведения назревших экономических реформ. Налицо дестимулирование структурных реформ в направлении модернизации и диверсификации экономики – элита оказывается в этом просто незаинтересованной.

Во-вторых, генерируемый природными ресурсами приток финансовых средств оказывает разлагающее влияние на правящую верхушку. С одной стороны, власть подвергается искушению популизмом - она может позволить себе экспериментировать с экономической политикой, принимать экзотические и безответственные решения, которые компенсируются обильными денежными вливаниями. Возникающая ситуация сходна с проблемой *moral hazard*, поскольку принимающие решения политики уверены в том, что риски будут все равно компенсированы деньгами. С другой стороны, усиливаются риски коррупции, которая оказывается почти неизбежной, когда власть должна заниматься дележом природной ренты.

В-третьих, зависимость от природных ресурсов подталкивает к развитию однобокой (нередко монопродуктовой) экономики, и особенно монопродуктового экспорта. Через механизм «голландской болезни» происходит торможение развития неэкспортных (в данном случае, несырьевых) секторов экономики: экспорт обеспечивает приток в страну «дешевой» иностранной валюты, которая ведет к завышению курса национальной валюты, что подрывает конкурентоспособность отечественных производителей, ориентированных на внутренний рынок. Этот же процесс приводит к снижению инвестиционной активности, как со стороны внутренних, так и иностранных инвесторов, поскольку импорт товаров оказывается более эффективным, чем производство их внутри страны. Естественно, импортозамещение здесь становится практически невозможным, и экономика данной страны оказывается в сильной зависимости от колебания цен на товары своего экспорта⁴.

В-четвертых, серьезные риски возникают для политического развития общества. Обилие природных ресурсов является серьезным ограничителем на пути политической демократизации данной страны. Косвенно в пользу этого утверждения свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство

L., Busby G. The Varieties of Rentier Experience: How Natural Resource Endowments Affect the Political Economy of Economic Growth. Mimeo, 2002; Gylfason Th., Zoega G. Natural resources and Economic Growth: The Role of Investment. London: CEPR, 2001.

⁴ Строго говоря, «голландская болезнь» может возникать и при диверсифицированном экспорте, приводя к разрыву между интересами экспортных и ориентированных на внутреннее потребление отраслей. Однако эта ситуация характерна уже для более развитых стран и не имеет отношения к ситуации изобилия природных ресурсов.

ресурсобогатых стран никогда не были демократическими. Механизм такого развития ситуации вполне понятен. Обилие природной ренты, как было отмечено выше, препятствует экономическому росту, то есть достижения такого уровня экономического развития, который необходим для формирования устойчивых демократических институтов⁵. В особой мере это касается тех стран, где подавляющая часть доходов государственного бюджета концентрируется в одном источнике - как правило, в экспорте одного вида сырья (например, нефти). Контроля за этим ресурсом оказывается достаточно для удовлетворения потребностей власти и обеспечения социальной стабильности в обществе. Такая ситуация на практике позволяет игнорировать другие источники доходов, оставляя налоговую систему страны в неразвитом состоянии. Отсутствие зависимости власти от налоговых поступлений фактически дает возможность игнорировать политические требования общества, обуславливая очень своеобразный «общественный договор»: мы не берем у вас налогов, а вы не требуете политических прав. Именно так обстоят дела в абсолютных монархиях Персидского залива. Как замечал в этой связи С.Хантингтон, «тезис "нет налогов без представительства" являлся политическим лозунгом, тогда как тезис "нет представительства без налогов" отражает политические реалии»⁶.

Наконец, в-пятых, по утверждению ряда исследователей, существует количественно фиксируемая негативная взаимосвязь между наличием природных ресурсов и вниманием властей к развитию образования своих граждан. Сырьевые сектора в общем предъявляют более низкие требования к квалификации рабочей силы, а потому доминирование этих секторов в экономике страны снижает спрос на образовательные услуги, что может иметь весьма опасные долгосрочные последствия⁷.

Дополнительная опасность возникает, когда на страну неожиданно обрушивается поток природных денег, генерируемых благодаря скачку цен на соответствующие ресурсы. Если правительство воспринимает вновь открывшийся источник доходов как устойчивый, не подверженный в будущем колебаниям, то начинается подстройка экономики под новую

⁵ Взаимосвязи формирования демократической системы с достижением определенного уровня экономического развития и благосостояния населения посвящена обширная литература. См., например: Lipset S.M.. Political Man. The Social Basis of Politics. New York: Doubleday, 1960; Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991; Vanhanen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries. London and New York: Routledge, 1997; May В. Экономические реформы сквозь призму конституции и политики. М.: Ad Marginem, 1999. Глава 2.

⁶ Huntington S.P. The Third Wave... P. 65.

⁷ Гильфасон Т. Природа, энергия и экономический рост // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 4. С. 473-474.

конъюнктуру. В надежде на обильное поступление доходов начинают развиваться разного рода инвестиционные и социальные программы, как правило при активном государственном участии. Возникают амбициозные политические проекты, нацеленные на внешнеполитическую экспансию. Более того, стремясь максимально воспользоваться открывшимися возможностями, государство начинает активно заимствовать дополнительные ресурсы внутри и вне страны. В результате, несмотря на обильный приток денег, финансовое положение страны не только не улучшается, но даже существенно ухудшается (хроническим становятся бюджетные дефициты, растет госдолг).

Словом, через какое-то время страна сталкивается с двоякого рода трудностями. С одной стороны, она оказывается вовлеченной в серию сложных и неэффективных проектов экономического и политического характера. Хозяйственные проекты зачастую оказываются неэффективными, поскольку разрабатывались при активном участии и без должной коммерческой и технической проработки – расчет на обилие «дешевых» денег не способствует серьезному анализу затрат и результатов. Параллельно страна оказывается втянутой во внешнеполитические авантюры, которые также были начаты под воздействием головокружения от денежного изобилия.

С другой стороны, происходит трансформация социально-экономической структуры под новую, благоприятную конъюнктуру. Расчет на обилие «дешевых» денег позволяет забыть об эффективности других секторов, поскольку недостатки внутреннего производства всегда можно компенсировать импортом. Внутренние производители начинают деградировать, а то и сворачивать производства, что до поры до времени не заботит власти, увлеченные основанном на экспорте сырья ростом.

Когда же источник средств вдруг исчезает (например, из-за изменения конъюнктуры цен), в стране начинается полномасштабный кризис. Ведь за предшествующие годы (или десятилетия) изобилия из-за совершившегося структурного и бюджетного маневров экономика страны оказывается серьезно разбалансированной. Таким образом, структурная подстройка экономики под благоприятную конъюнктуру цен на природные ресурсы становится источником серьезных, а в ряде случаев системных, кризисов.

Такого рода проблемы в последние десятилетия наглядно прослеживаются при анализе экономико-политических процессов в связи с колебаниями цен на нефть, начатых нефтяным кризисом 1973 года. В ряде стран – экспортеров нефти за десятилетие благоприятной конъюнктуры произошла перестройка экономической системы, за чем последовали тяжелые кризисы. Наиболее острые примеры такого развития событий дают Мексика, СССР и шахский Иран.

На рубеже 70-80-х годов цены на нефть достигала 90 долл. за баррель (в пересчете на современный курс), и казалось, что экспортеры нефти нашли простой способ решения всех своих проблем. Президент Мексики Хосе Лопес Портилло тогда не без гордости заявил, что «нашей главной задачей

является управление ростом благосостояния». Советские вожди активно проводили политику «нефть в обмен на продовольствие», активно закупая за нефтедоллары ширпотреб, продукты питания и оборудования для расширения добычи нефти и газа.

В Мексике политика «администрирования изобилия» (также термин Портилло) предполагала резкое повышение темпов экономического роста и экономической самостоятельности страны через развитие госсектора. Стали развиваться рода инвестиционные программы, темпы роста возросли с 3-4 (1975-1977) до 8-9 процентов (1978-1981), а среднегодовой рост инвестиций составлял 16 процентов. Бюджет оставался дефицитным, поскольку в ожидании будущих доходов правительство не считалось с этим параметром, причем по мере продолжения нефтяного бума дефицит бюджета не сокращался, а нарастал. Ситуация начала ухудшаться с изменением тренда нефтяных цен в начале 80-х. ВВП стал демонстрировать отрицательные темпы, песо было девальвировано более чем на 40 процентов, внешний долг вырос с 40 млрд. долл. в 1979 году до 97 млрд. долл. в 1985-м, резко ускорилось бегство капитала, золото-валютные резервы упали до 1,8 млрд. долл. Если в первые годы его правления на Портилло возлагали большие надежды как внутри страны, так и за рубежом, то к исходу президентского шестилетия его обвиняли в «растранжировании нефтяных доходов страны, экстравагантных внешних заимствованиях, в раздувании бюджетных расходов». После отставки Портилло вынужден был уехать из страны, а когда он скончался (в начале 2004 года), то не был удостоен принятых в таком случае государственных похорон.

История СССР достаточно хорошо нам известна и не нуждается в комментариях⁸. Советское руководство после непоследовательных попыток реформирования экономики в 1965-1972 годах смогло полностью отказаться от реформ и обеспечивать устойчивые (хотя и невысокие) темпы экономического роста и социальную стабильность путем наращивания экспорта энергоресурсов. Снижение цен на нефть и нарастание бюджетного дефицита подтолкнуло М.Горбачева и его коллег к решительным мерам по ослаблению сырьевой зависимости, получившим наименование ускорение. Однако желание повысить темпы роста привело через два года к разбалансированию экономической системы, а затем и к ее распаду⁹.

⁸ См. подробнее: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М.: Вагриус, 2004; Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире. М.: Дело, 2005. С. 341-345.

⁹ Впрочем, у правительств 70-х годов было хотя бы то оправдание, что к тому времени практически отсутствовал прецедент значительного снижения цен на нефть. В настоящее время ситуация существенно иная: практика показала, что цены на основные товары российского экспорта могут идти как вверх, так и в вниз и что их динамика непредсказуема. Ответственная экономическая политика должна принимать эти факторы во внимания. Однако, как будет показано ниже, кризисы в результате ресурсоориентированной политики можно проследить и в экономической истории прошлого. Хотя, разумеется, речь не обязательно должна идти о ресурсах топливно-энергетического комплекса.

Иран – еще одну страну, режим которой первоначально выиграл от роста нефтяных доходов, а затем потерпевший полное фиаско. Причем в Иране крах произошел на пике нефтяной конъюнктуры, а не в результате ее снижения. Ключевым фактором дестабилизации здесь стала ускоренная модернизация, которая проводилась шахским правительством, но которая в значительной мере оказалась модернизацией сверху, не имевшей глубоких корней в развитии всей экономической и социальной жизни страны. В результате напряженность в обществе стала резко нарастать, и в конце 1970-х годов последовал взрыв «исламской революции».

Разумеется, перечисленные факторы и обстоятельства не являются абсолютными. Известен ряд примеров ресурсобогатых стран с очень высоким уровнем экономического развития. Главное, разумеется, не природные ресурсы сами по себе и качество экономической политики. Другое дело, что обилие природных ресурсов при определенных обстоятельствах становится барьером для выработки и реализации осмысленной, эффективной экономической политики¹⁰. Существуют специфические обстоятельства, которые могут как бы «нейтрализовать» негативное влияние природных ресурсов. Их учет может не только объяснить исключения, но также и способствовать выработке политики, ориентированной на снижение негативного влияния природного изобилия на социально-экономическое развитие страны.

Во-первых, характер ресурсов с точки зрения возможности монополизации контроля над ними. Обилие природных ресурсов, которые «разбросаны» по стране и не поддаются монополизации со стороны государства не становится серьезным препятствием для экономического развития. П.Сутела, аргументируя эту точку зрения, приводит пример Норвегии, чье благосостояние изначально основывалось на обилии рыбных ресурсов и, прежде всего, трески. Однако треска, в отличие от углеводородов, существовала в различных регионах страны, не требовала для своей добычи значительных инвестиций, а также не давала возможности государству ни жестко контролировать доступ к ее добыче, ни накапливать этот ресурс в своих руках для последующей реализации. В результате практически любой норвежец мог заняться рыболовным бизнесом, что создавало основу для экономической (а значит и гражданской) свободы в отношениях с властью. «Таким образом, вопрос не в том, богата ли страна природными ресурсами или нет, а в том, являются ли эти ресурсы естественной основой для возникновения олигархии и автократии из-за их

¹⁰ «Имеющийся опыт, по-видимому, свидетельствует о том, что значительное природное богатство при отсутствии продуманного управления в долгосрочной перспективе замедляет экономический рост. Надо признать, что в краткосрочной перспективе оно позволяет повысить благосостояние, и иногда весьма значительно, но в итоге, как представляется, оно снижает темпы экономического роста», - писал один из наиболее видных исследователей этой проблемы Т.Гильфасон. (Гильфасон Т. Природа, энергия и экономический рост. С.465).

высокой концентрации, или они служат естественной основой для создания демократии и равенства в результате их широкого распространения»¹¹.

К этому надо добавить степень диверсификации природных ресурсов. Наличие природного разнообразия и отсутствие явных экономических предпочтений к отдельным видам ресурсов также создают основу для конкуренции различных производителей, а также для диверсификации экономики, для недопущения формирования монопродуктовой экономики или монопродуктового экспорта. Диверсификация контроля за ресурсами, не сведение этого контроля к государственному становится важным фактором устойчивого экономического развития, а затем и политической демократизации¹². Аналогичные выводы можно сделать, скажем, о лесных или сельскохозяйственных ресурсах. Богатые природными ресурсами США XIX века являются наглядным примером такого развития.

Во-вторых, важную роль играет уровень политического развития в момент появления изобилия природных ресурсов. Бывают случаи (довольно редкие), когда изобилие это обрушивается на страну, уже находящуюся на очень высоком уровне экономического развития, то есть обладающей полным набором институтов, характерных для современной демократии. Иными словами политическая система общества является высокоразвитой и обеспечивает прозрачность процедур выработки и принятия государственных решений относительно использования ресурсов, уровень коррупции близок к нулю, а экономика является диверсифицированной и

¹¹ Сутела П. Это сладкое слово - конкурентоспособность // Хелантера А., Оллус С.-Э.. Почему Россия не Финляндия: Сравнительный анализ конкурентоспособности. М.: Издательство ИЭПП, 2004. С. 12. «Добыча углеводородов сконцентрирована на определенной территории, поэтому ее легко контролировать и монополизировать. В этом кроется причина того, почему добыча этого природного сырья является основой для процветания олигархии и автократии. Треска была широко распространена во фьордах, что делало практически невозможным контроль и установление монополии на ее вылов. Так как это еще и скоропортящийся товар, то даже наиболее воинственные короли викингов задумались бы, прежде чем пытаться сосредоточить в своих руках всю рыбную ловлю в стране. Треска не сделала Норвегию богатой, но ее добыча повысила материальное благосостояние население. (Там же).

¹² "Демократия - это правление многих, автократия - это правление нескольких. Концентрация властных ресурсов ведет к автократии, распределение ресурсов власти ведет к демократии. Можно выдвинуть гипотезу: демократия возникает при том условии, когда ресурсы, необходимые для осуществления власти, распространены в обществе настолько широко, что ни одна группа более не способна подавлять конкурентов и тем самым обеспечивать свою гегемонию". (Vanhanen T. Prospects for Democracy. P. 24). Весьма близки к этой позиции и взгляды М.Олсона, по мнению которого «автократия оказывается отброшенной и демократия утверждается в истории тогда, когда почему-либо возникает патовая ситуация в балансе власти, то есть складывается такое распределение сил и ресурсов, которое делает невозможным для одного из лидеров или группы оказаться более мощной, чем все остальные... Если данная теория верна, тогда верными являются и исследования, согласно которым демократия возникает в определенных исторических условиях и таком при распределении ресурсов, которое делает невозможным для какого-то одного лидера или группы присвоить власть» (Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development. In: American Political Science Review, 87. 1993. N 3).

высокоэффективной. Таков пример Великобритании и особенно Норвегии, которые стали неожиданно богатыми углеводородами после открытия соответствующих месторождений в Северном море. Эти страны смогли более или менее адекватно справиться с неожиданно возникшим потоком ресурсов, не допустив экономического торможения и деградации. Однако даже в этом случае правительственная политика подвергается серьезному испытанию популизмом, и в среднесрочной перспективе, как свидетельствует опыт Норвегии последних 20 лет, свидетельствует о неизбежности снижения качества экономической политики, находящейся под давлением разного рода лоббистов¹³.

В-третьих, экономическое развитие при наличии обилия природных ресурсов может наблюдаться в абсолютных монархиях. Поскольку государственный бюджет здесь практически тождественен бюджету правящей династии, а забота о будущих поколениях имеет вполне конкретного адресата, власти оказываются более способными принимать долгосрочные и эффективные решения, нацеленные в том числе и на повышение благосостояния всей страны. Впрочем, подобного рода режимы в современном мире исключительно редки, да и принимаемые ими решения, как показывает практика монархий Персидского залива, оказываются не столь уж эффективными в долгосрочном плане. Хотя, подчеркнем, текущее благосостояние своих стран они обеспечить вполне способны.

Вышеприведенные рассуждения были сделаны преимущественно на материалах второй половины XX века. Однако было бы неверно ограничивать сделанные выводы исключительно современной эпохой. Большинство проблем экономической политики имеют конкретно-исторический характер, то есть должны рассматриваться с учетом конкретных обстоятельств, и прежде всего с учетом уровня технологического развития данного общества (или, говоря марксистским языком, уровня развития производительных сил). Однако имеются и некоторые общие проблемы, сталкиваясь с которыми правительства разных стран и эпох ведут себя в общем похоже, предпринимая схожие шаги и делая схожие ошибки. К таким явлениям относится и испытание обильным притоком природных ресурсов, особенно когда этот ресурс приходит неожиданно и накладывается на политические амбиции данной страны¹⁴.

2. Испания XVI-XVII веков: американское золото и крушение сверхдержавы.

В XVI столетии Испания была одним из наиболее сильных государств Европы, а значит и всего мира. После объединения Кастилии и Арагона

¹³ См.: Hoj J., Wise M. Product Market Competition and Economic Performance in Norway. OECD Economic Department Working Paper N 389. Paris: OECD, 2004.

¹⁴ Другой пример схожести политики разных стран дают полномасштабные революции. Как нами было показано в другой работе, революционные правительства разных стран и эпох реагируют на экономические и политические вызовы революционной эпохи очень схоже, прибегая к одним и тем же инструментам.

происходило быстрое расширение владений, управляемых Испанской Коронай. К середине века власть Карла I (годы правления 1516-1556) распространялась на значительную часть Иберийского полуострова, а также Нидерланды, Сардинию, Сицилию и всю Италию к югу от Рима, на владения Габсбургов в Восточной Европе, а также на недавно открытые земли в Америке. Это была мощная империя, имевшая явный потенциал для дальнейшего наращивания своей мощи. Страна имела сильную армию (включая лучшую в Европе пехоту), флот, обширные династические связи с основными королевскими домами Старого Света. На повестке дня стоял вопрос о возникновении новой крупной Империи, чему способствовало и избрание в 1519 году испанского короля императором Священной Римской империи под именем Карла V. Словом, речь шла о создании сверхдержавы в полном смысле этого слова – страны со значительными территориальными владениями, с мощными вооруженными силами, с интересами, далеко выходящими за рамки своей части света. Помимо стремления к территориальным захватам, деятельность испанских монархов имела сильно выраженный мессианский характер – подавление мусульманства и протестантизма, объединение всей католической Европы.

Казалось, что и экономические факторы способствуют такому развитию событий. Экономическое благополучие той эпохи было связано преимущественно с сельским хозяйством, и в этой сфере Испания занимала лидирующие позиции в садоводстве и овцеводстве, а последнее создавало базу для развития текстильной промышленности. К этому надо добавить высокий уровень экономического развития (сельского хозяйства и некоторых отраслей промышленности) в испанских Нидерландах, наличие значительных запасов полезных ископаемых в подконтрольной Испании Центральной Европе (железо, медь, олово, серебро).

Однако главным источником укрепления экономической и политической мощи формируемой Империи должны были составить драгоценные металлы, попавшие в руки Испании благодаря открытию Америки и началу освоения ее природных богатств. Казалось даже, что страна столкнулась с двойным везением. С одной стороны, только что открытые земли оказались богатыми денежным металлом - тем более, что незадолго до этих событий в Европе произошло удорожание серебра, вызвавшее естественное падение цен на другие товары. С другой стороны, как раз к этому времени были получены новые технологические способы получения серебра, что значительно удешевляло его добычу в Новом Свете¹⁵.

В результате с самого начала XVI века из Нового света стало поступать золото и серебро, достигшее значительных масштабов во второй половине 1530-х годов. (Динамика доходов от импорта драгметаллов отражена в Таблице 1). Нетрудно заметить, что деньги поступали как непосредственно в распоряжение Короны (государственного бюджета, по современной

¹⁵ Hamilton E.J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501-1650. Cambridge, MA, 1934. P. 34.

терминологии), так и еще большей мере в частные руки. Последние, естественно, также способствовали обогащению страны и ее бюджета (через налоги, доходы от чеканки монеты и т.п.).

Таблица 1. Покупательная способность денег Испании (в тысячах песо)¹⁶

Период	Весь объем импорта драгметаллов	Объем импорта драгметаллов Короной	Сводный индекс цен (базовый год -1580), %%	Покупательная сила драгметаллов Короны
1503-1505	371	97	37,5	261
1506-1510	816	213	43,24	494
1511-1515	1195	313	39,78	787
1516-1520	993	260	41,91	620
1521-1525	134	35	49,09	71
1526-1530	1038	272	52,8	514
1531-1535	1650	432	53,23	812
1536-1540	3937	1350	55,76	2422
1541-1545	4954	757	59,45	1274
1546-1550	5508	1592	66,68	2388
1551-1555	9865	3628	70,75	5128
1556-1560	7998	1568	77,98	2011
1561-1565	11207	1819	89,81	2025
1566-1570	14141	3784	91,53	4134
1571-1575	11906	3298	99,18	3325
1576-1580	17251	6649	99,61	6675
1581-1585	29374	7550	108,15	6981
1586-1590	23832	8043	110,52	7277
1591-1595	35184	10023	114,32	8767
1596-1600	34428	10974	129,01	8506
1601-1605	24403	6519	140,65	4365
1606-1610	31405	8549	132,69	6443
1611-1615	24528	7212	127,34	5664
1616-1620	20112	4347	132,06	3292
1621-1625	27010	4891	127,76	3828
1626-1630	24954	4618	131,85	3503
1631-1635	17110	4733	132,60	3570
1636-1640	16314	4691	130,-1	3608
1641-1645	13763	4543	126,01	3685
1646-1650	11770	1665	138,01	1206

¹⁶ Flynn D.O. Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile). The Journal of Economic History, Vol. 42, Mar. 1982, P. 142.

Именно американское золото должно было стать первоосновой политической экспансии, источником достижения испанскими монархами амбициозных политических целей. Возможно даже, что в открывшемся источнике несметных богатств Карл I увидел благословение свыше своей католической миссии

Логика борьба за сверхдержаву с неизбежностью вела к обострению внешнеполитической ситуации и втягивала Корону в военные действия по разным направлениям: Испания погрузилась в серию длительных войн в различных регионах Европы. Король Карл I воевал с турками в Средиземноморье и в Центральной Европе, с протестантами в Германии, с Францией за гегемонию в католическом мире и другими странами. Эта политика была продолжена и его преемниками – Филиппом II (1558-1598), Филиппом III (1598-1621) и Филиппом IV (1621-1665). Несмотря на потерю германской короны, при Филиппе II в 1580-х годах Империя достигла наивысшего могущества и максимальных территориальных владений. Однако за это пришлось вести бесконечные войны, продолжавшиеся в течение десятилетий (восьмидесятилетняя война в Нидерландах, Тридцатилетняя война в Европе, столкновения с Францией, Англией, в других частях Европы).

Широкие военные действия, не прекращавшиеся в течение почти полутора веков, потребовали колоссальных бюджетных расходов. Создание сверхдержавы вообще является дорогим предприятием. А применительно к рассматриваемому периоду возникло и еще одно, дополнительное обстоятельство: именно тогда начались процессы удорожания войн, связанные с переходом от рыцарской конницы к широкому применению огнестрельного оружия¹⁷.

Серебро и золото создавали, как казалось поначалу, основу устойчивого финансирования страны в условиях металлического обращения. Приток драгоценных металлов означал резкое увеличение денежной массы, с одной стороны, и бюджетных ресурсов правительства, с другой. Наличие мощного денежного потока позволило власти не обращать внимания на экономическую ситуацию в стране, на формирование современной для своего времени налоговой и бюджетной политики.

Как это будет повторяться неоднократно в будущем в ресурсобогатых странах, экономическая политика испанского правительства оказалась в этих условиях поразительно близорукой. Отсутствовала долгосрочная экономическая политика, которая обеспечивала бы стимулирование производства. Предпринимавшиеся разрозненные меры ориентировались преимущественно на то, чтобы снимать социальное напряжение внутри страны и получать дополнительные бюджетные доходы. Попытки регулирования цен, передача монополий на торговлю и производство важных

¹⁷ See: Nef J.U. War and Human Progress. An Essay on the Rise of Industrial Civilization. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950.

товаров, высокие и несправедливые налоги, сохранение таможенных барьеров внутри страны – таковы основные элементы экономической политики Испанской Короны, которые уже в XVI веке выглядели довольно старомодно.

Скажем, рост цен на зерно попытались компенсировать госрегулированием цен, а когда это привело к дефициту – решили стимулировать импорт, что окончательно разрушило внутреннее производство и на несколько столетий превратило страну в импортера зерна. Схоже обстояли дела с производством тканей.

Архаичной оставалась налоговая система, а уровень налогов – одним из самых высоких в Европе. Хотя примерно 97% земель принадлежало аристократии и церкви, прямые налоги взимались с крестьянства, ремесленников и торговцев. Причем ряд налогов взимался аристократией, которая затем передавала полученные средства Короне. Поэтому налоговая база оказывалась достаточно узкой, а налоговая система – неэффективной с точки зрения получения бюджетных доходов и имела исключительно фискальный характер, подавляя, а не стимулируя развитие экономики. Между различными частями Империи (и даже внутри Иберийского полуострова) сохранялись таможенные барьеры, что мотивировалось отчасти фискальными соображениями, а отчасти отсутствием интереса властей к изменению сложившихся традиций. На территории страны имели хождение разные валюты, что превращало конвертацию и в крайне болезненную внутреннюю (а не внешнюю) проблему.

Между тем, со временем выяснилось, что обильный приток драгметаллов создает серьезные финансовые, а затем и политические проблемы.

Проблема первая. Возрастание потребности в деньгах происходило быстрее, чем получала корона из своих заокеанских владений, Следовательно, стала расти напряженность государственного бюджета и нарастать государственный долг. То есть, несмотря на обилие денежных ресурсов, страна столкнулась с ситуацией устойчивого бюджетного дефицита. А ведь этот феномен не был характерен для предшественников Карла I: хотя они иногда и заимствовали денежные средства, но как правило для решения конкретных задач и лишь временно. Теперь бюджетный дефицит стал проблемой хронической.

Механизм раскрутки финансового кризиса достаточно очевиден. С одной стороны, наличие обширных запасов серебра и золота позволяло Короне заимствовать в любых масштабах, поскольку сохранялась уверенность в возможности оплатить в будущем любые долги. С другой стороны, кредиторы также легко давали деньги под залог будущих поступлений металла (и под ростовщические проценты). Возникает ситуация, схожая с описываемой в современной литературе термином *moral hazard*, когда экономический агент может не особенно серьезно относиться к принимаемым решениям.

В результате задолженность Короны стала быстро расти. В первой половине 1570-х годов расходы бюджета в полтора раза превышают доходы, причем значительные суммы идут на покрытие старых долгов. Например, только в 1575 году на оплату старых долгов было потрачено 36 млн. дукатов, что составляло эквивалент шестилетних доходов. При доходе короны в 13 млн. дукатов в 1577 году накопленный долг Короны в 2582 году составлял 80 млн. дукатов. По некоторым данным, две трети долговых выплат в конце только на погашение процентов по кредитам в 1598 году (год смерти Филиппа II). В дальнейшем долг продолжал расти, достигнув в 1667 году запредельной для того времени суммы в 180 млн. дукатов¹⁸.

Проблема вторая - инфляция. Возникает своеобразная ловушка: обилие денежных металлов не только дает в руки властей большие денежные ресурсы, но также и снижает покупательную способность единицы драгметалла (см. Рисунок 1). Стала раскручиваться инфляция, что, в свою очередь, сокращало доступные Короне доходы.

Поскольку инфляция была еще малоизвестна Западной Европе, значительная часть доходов казны (равно как и других экономических агентов) устанавливалась в абсолютных величинах. Соответственно, со временем (во второй половине XVI века) стали падать традиционные бюджетные доходы, зафиксированные в абсолютных суммах. (См. Рисунок 2). В течение какого-то времени выпадающие доходы могли компенсироваться притоком американского золота и серебра, хотя, как выяснилось позднее, этого было недостаточно для создания устойчивой финансовой базы для амбициозной политики испанских властей. Однако уже во второй половине XVI века испанский бюджет сводится как правило с дефицитом. (Рисунок 3).

Кроме того, поскольку Испания по понятным причинам должна была принять на себя первый удар обесценения металлических денег, конкурентоспособность испанских производителей должна была снижаться – их товары должны были стоить в «звонкой монете» больше, чем в других странах. Возникал эффект, сродни «голландской болезни», хотя его роль была, по-видимому, не столь значительна, как в условиях современных глобальных рынков¹⁹.

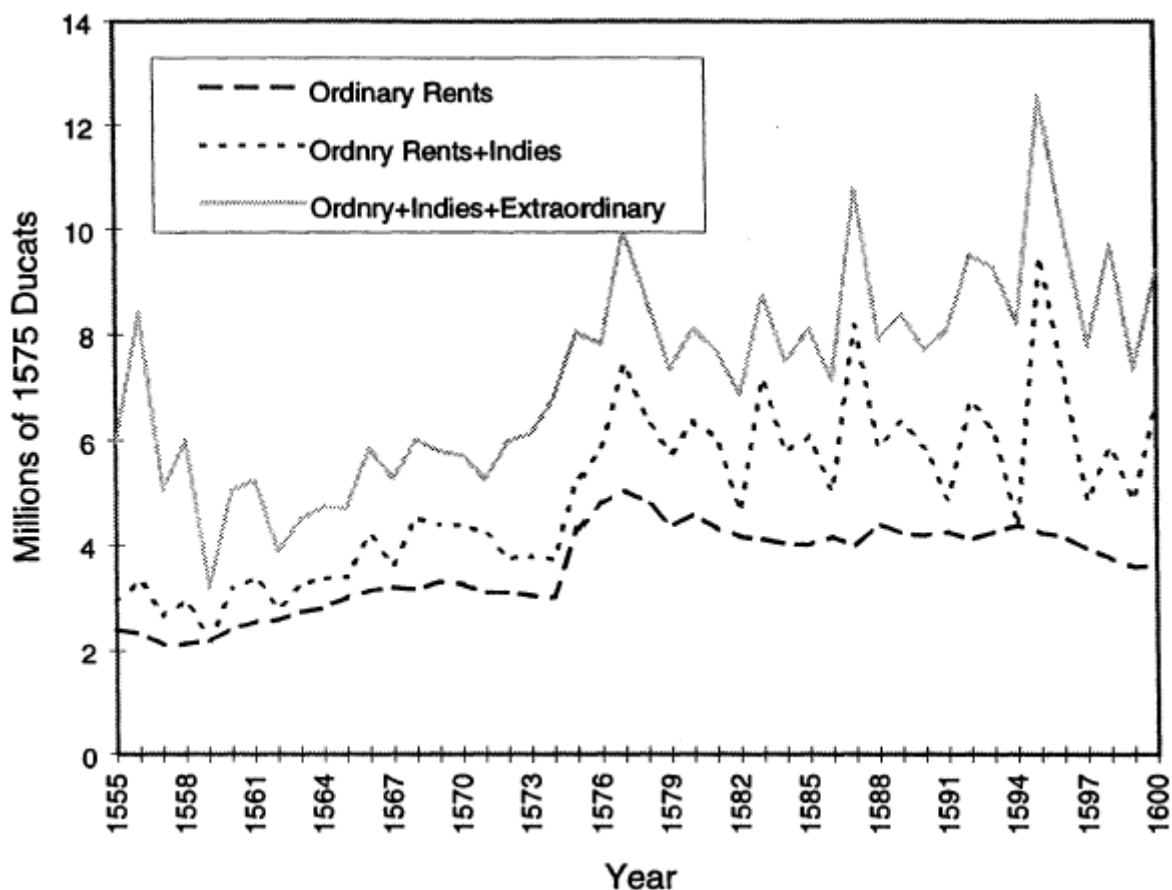
¹⁸. See: Parker G. Spain, Her Economies and the Revolt of the Netherlands 1559-1648 // Past and Present. 1970. No 49. P. 86; Parker G. War and Economic Change: The Economic Costs of the Dutch Revolt // Parker G. (ed.). Spain and the Netherlands, 1559-1659. Glasgow, 1979; Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in Age of Philip II. New York, 1972. Vol. 1. P. 533; Koenisberger H.G. The Empire of Charles V in Europe // The New Cambridge Modern History. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. P. 312.

¹⁹ На этот эффект обращал внимание еще Э.Гамильтон, объясняя повышением цен и издержек в Испании падение не только собственно экспорта, но также судостроения и мореплавания. (См. Hamilton E.J. The Decline of Spain // Economic History Review. 1938. Vol. 8. N 2. P. 177).

Рисунок 2. Рост уровня цен в Испании в 16 веке²⁰.

Рисунок 1. Структура и размер доходов Короны Испании во второй половине 16 века²¹.

Сверху вниз:

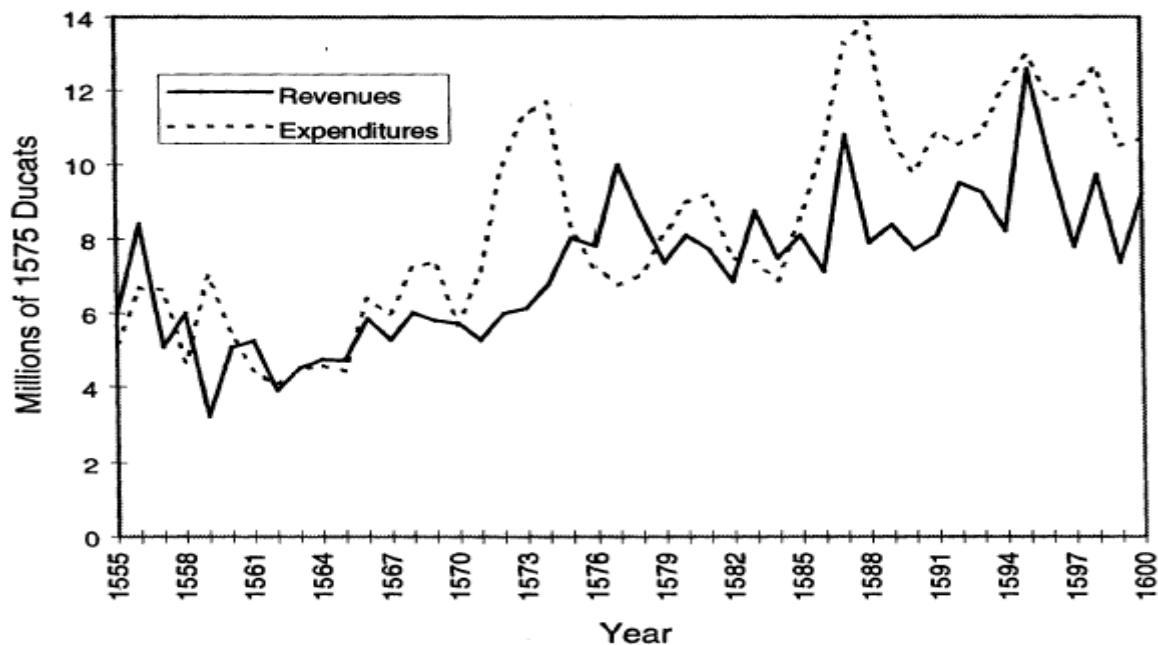
- Обычные доходы + доходы из Америки (драгметаллы) + дополнительные доходы

²⁰ Flynn D.O. Fiscal crisis... P. 142.

²¹ Conklin J.. The theory of sovereign debt and Spain under Philip II. The Journal of Political Economy, Vol.106, No. 3, p 483-513

- Обычные доходы ++ доходы из Америки (драгметаллы)
- Обычные доходы

Рисунок 2. Соотношение расходов и доходов Короны Испании во второй половине 16 века²².

Сверху вниз:

- доходы
- расходы

Третья проблема непосредственно вытекала из двух предыдущих – экономика и политика Империи оказалась «подстроеной» под сложившуюся конъюнктуру валютных доходов, что сделало Испанию крайне уязвимой в двух отношениях. С одной стороны, обнаруживается политическая и коммерческая уязвимость перед кредиторами, которые хорошо знают, что Корона уже не сможет выжить без их лояльности и потому получают инструмент для шантажа. С другой стороны, уязвимость перед внешними шоками, то есть обостряется зависимость политической и экономической ситуации в стране перед конъюнктурными колебаниями.

Испания получала иностранные займы под высокий процент у финансового картеля, управляемого генуэзцами, а также у немецких, фламандских и испанских банкиров. В качестве обеспечения выступали как доли в очередном грузе серебра, так и отдельные налоговые статьи, а банкиры – и право на обслуживание финансовых транзакций Короны, в том числе и монополию в сфере международных денежных переводов и обмена валют. В государстве, чьи земли были разбросаны по всей Европе, эта функция была исключительно важна не только в экономическом, но также в политическом и в военном отношениях. Поскольку разные части Империи

²² Conklin J. The theory of sovereign debt...

имели в обороте разные валюты, стабильность денежных переводов была жизненно необходимо для поддержания здесь политической стабильности. Еще более важным было осуществление финансовых транзакция для оплаты войн, которые постоянно вели испанские государи. Словом, некорректное поведение должника приводило к отказу кредиторов осуществлять денежные переводы с понятными негативными последствиями.

Уже в середине XVI века остро проявилась зависимость положения страны от притока американской валюты. Стоило во второй половине 1550-х годов сократиться поступлениям драгметаллов в казну, как последовал первый дефолт Короны в 1557 году, а за ним и второй – в 1560. Первому дефолту предшествовал невиданный политический дефолт: Карл I, понимая, по-видимому, остроту и системный характер нараставших проблем, отрекся в 1556 году от престола после сорока лет пребывания у власти.

Из Таблицы 1 можно сделать и еще одно любопытное наблюдение: хотя приток драгметаллов сократился во второй половине 1556-1560 годах более чем вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием, их объем был сопоставим с поступлениями чуть более ранних периодов (конца 1540-х и ранее). Однако за пятнадцать-двадцать лет произошли серьезные изменения монетарного и структурного характера. С одной стороны, из-за инфляции снизилась покупательная способность американских денег, а с другой – по мере развития экспансионистских проектов Короны все более усиливалась ее зависимость от новых финансовых вливаний.

К концу XVI столетия Испания попадает в полную зависимость от положения дел в американских рудниках. Страна, имевшая ранее достаточно устойчивую финансовую систему, начинает регулярно объявлять дефолты – после 1557 и 1560 годов они происходили далее в 1575, 1596, 1607, 1627, 1647, 1653 и 1680 годах²³. Какое-то время (при Филиппе II) Испания еще продолжает расширяться, под властью ее оказывается и Португалия с ее огромными восточными колониями. Однако начинаются военные поражения, одно из самых тяжелых – разгром Непобедимой Армады в 1588 году. За финансовым кризисом следует денежный: не имея бюджетных ресурсов, Филипп III и Филипп IV начинают прибегать к «порче валюты», сокращая количество драгоценного металла в некоторых монетах²⁴. Естественно, это дает лишь краткосрочные эффекты для бюджета, но никак не может предотвратить общей деградации страны. XVII век стал временем неуклонно ослабления экономики страны и превращения ее во второразрядную страну²⁵.

Несмотря на нараставший ком проблем, наследники Карла I продолжали курс, в котором доминировали имперские и мессианские цели, и не продолжали игнорировать задачи создания благоприятных условий для экономического развития. Усиливалось отставание Испании от других

²³ Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М.: Росспэн, 2001. С. 170.

²⁴ Motomura A. The Best and Worst of Currencies: Seigniorage and Currency Policy in Spain, 1597-1650 // The Journal of Economic History. 1994. Vol. 54. N 1.

²⁵ Hamilton E.J. The Decline of Spain. P. 169-170.

европейских государств, выходящих на первые позиции (Нидерландов, Англии, Франции)²⁶. *Природные богатства (тождественные в данном случае «дешевым деньгам») сделали свое дело – первоначально создали иллюзию политической и экономической вседозволенности, способствовали трансформации государственных потребностей под новый уровень доходов, а затем привели к тяжелому кризису²⁷*. Кризису, который продолжался в Испании на протяжении следующих четырех веков.

Подведем итоги сказанному. Кризис Испанской империи был результатом не только и не столько завышенных амбиций, сколько непродуманной и неэффективной экономической и бюджетной политики.

Во-первых, сами завышенные политические амбиции были отчасти спровоцированы мощным потоком «дешевых» денег, нарастание которого идет рука об руку с активизацией усилий по созданию империи.

Во-вторых, экономические проблемы были порождены не столько войной, сколько неэффективной политикой. Истории хорошо известны случаи, когда страны достаточно успешно выдерживали тяжелые и длительные войны, не доводя до финансового и экономического краха. Примеры Нидерландов XVI-XVII веков или Британии XVIII века демонстрируют другой ход событий²⁸. Однако особенностями этих стран было отсутствие у них дешевых финансовых ресурсов, а также наличие более адекватных правительств, учитывающих в своей деятельности интересы производства и торговли²⁹. Они не были искушаемы природными ресурсами, а потому должны были строить свое благополучие на более прочных основаниях.

²⁶ «Castile followed an imperialistic policy that was not realistic in consideration of its (or anyone's) resources: 'in plain words, politically and military, Spain had bitten off more than she could chew'» (Flynn Op. cit. P. 143).

²⁷ Осознание этого можно найти в рассуждениях некоторых испанских авторов уже в начале XVII века Санчо де Монкада писал еще в 1619 году, что «бедность Испании есть результат открытия Америки». (Цит. по Kamen H. The Decline of Spain: A Historical Myth? // Past and Present. 1971. Vol. 81. November. P. 30).

²⁸ See: Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York, 1987; Wilson Ch. Taxation and the Decline of Empires, and Unfashionable Theme // Economic History and the Historians. New York, 1969 P. 120-127..

²⁹ «The merchant-oriented government structure of eighteenth-century England aided its war finance and thus its rise as a major power. The Dutch Republic, Spain's most durable enemy, also had a merchant-dominated government and apparently advantages of clear taxation authority and low borrowing costs...». (Motomura A. The Best and Worst of Currencies: Seigniorage and Currency Policy in Spain, 1597-1650 // The Journal of Economic History. 1994. Vol. 54. N 1. P. 124).